

Сергей Журавлев

ПЛАНИДА

Панхоспермическая космологема

Сергей Журавлев
Планида.
Панхомоспермическая
космологема

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66211696
ISBN 9785005523389*

Аннотация

Это моя первая фантастическая книга. Сюжетное зерно в ней может вполне стать реалией, если человечество решится. Полететь к другим звёздам... вместе со своей планетой... « – Здравствуй Азия... Я рад, что к тебе вернулось сознание. Мы все очень этому рады! – Кто мы? – Жители Планиды. Завтра будет праздник. – Какой? И что это за Планида? Я такого города не знаю. – Планида, это планетарная система – космолёт. А праздник, соответственно, планетарный. Твой! »

Содержание

Айда!	5
Письмо себе	11
Сестрёнке	13
Завещание	17
Признание	18
Решиться	21
Прозрение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Планида Панхомоспермическая космологема

Сергей Журавлев

*Звезде КЭЦ
Лисе и Спартанке
Весне и затее
посвящаю*

© Сергей Журавлев, 2021

ISBN 978-5-0055-2338-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Айда!

«Ай да Айда, ай да дура!» – всякий раз, валясь на рассвете в постель, выдыхала Ая.

Ей было не занимать энергии. В 15-ть закончившая школу с медалью, эта девчонка в 18-ть выпустилась магистром из новомодного Сколтеха, и в 2020 году уже не знала, чем себя занять, чтобы не наскучило. Это немногие её друзья, а где их много-то умных то таких было взять, звали её Айдой за неугомонность и частое «Айда за мной!». Родители айкали, совсем не употребляя ими же вписанное в метрику при рождении и перекочевавшее в паспорт «Азия». Это папка, тот ещё заумный чудак и рюкзачник, зафанатевший в молодости от книжки Олжаса Сулейменова «Аз и Я», уговорил таки мамулю. И хоть родители были типичными русаками, дочкино имя всякий раз икалось Айке исканиями Востока в себе и другими в ней.

Вся маленькая жизнь её стала восхождением к недостижимому. В учёбе, спорте, приключениях, чувствах. На беду свою, выросла она красоткой, точёной и тугой с нужными округлостями, фиалкоглазой русовлаской. Той самой, что и коня на скаку, и в горящую избу. Ох и стлались за ней парни. И наглостью, и скромностью пытались брать. Да никак, её планка только росла. И дружбу с ней считали бы счастьем, да счастье такое лишь двум досталось, да и то, без шансов

на интим. Собственно за то и досталось, а ещё за незаурядные таланты, да за совесть. Девкам же итога, не довелось, не ровня.

Ох и несло же Айку. Во всех авантюрах бы разом, да не раздробиться. Словно чувствовала, что времени мало, пыталась успеть всюду, где предвкушала откровений. С толстенной косой до поясницы, знающая себе цену, эта горячка выматывала друзей, или попавшихся под руку воздыхателей набегам на маргинальные тусы. По несколько таких за сутки. На лекции чудиков, на игры от маститых, на воркшопы и хакатоны. Благо денег не имела, и иметь не нуждалась. Родители ещё одевали в простецкое. Ведь истинной красоте наряды в тягость, а среди умных понты грех. Да и поклонники не позволяли, платить. Друзья же умели зарабатывать, и опекали подругу без претензий, в радость. Позволяя себе возить её по миру.

Круглая краснодипломница, распространяла она теперь округ себя ненависть к формальному образованию, считая его бесполезным. Ибо, как доказывала она, знания ушли за границы школ и университетов, оставив там лишь бледные и тающие следы. Знать в XXI веке, что дышать, стало уже просто, и жизненно необходимо. Ибо теперь знания были всюду, стоило их лишь возжелать, по потребности. У неё получалось, доказывать. Возможно, доказательная миссия среди прочего бросала её в псевдонаучные, или как ей больше нравилось считать, метафизические течения. В альтер-

нативную историю, в опровержение законов термодинамики, в поиски бога. В общем, во все тяжкие, кроме астрологий, экзорцизма и прочих экзистенциальных и эсхатологических культов и сект. Просто под метафизикой Ая чла всё, что «за физикой», т.е. ещё не познанное и не признанное. Она и к трансгуманистам то причла себя по этой же причине, допустив, что они вырываются из сфер истинного, т.е. утверждённого.

Она истаптывала кроссовки в месяц, предпочитая ходить и бегать чинной езде. И бесчинствующей тоже, хотя казалось бы, при её то характере. Сколько понторезов притормаживало на своих монстрах рядом, и умывалось. Сколькие обещали их ей подарить, зря. Пару раз её спасали лишь навыки боевого самбо, но принципов такие передраги не низвергли. Впрочем, и времена уже стали не те. Настоящих блудных и диких осталось в Москве немного, а за Москву Айду всегда кто-то сопровождал.

Айда не знала страха. Несколько изящных шрамов на видных местах демонстрировали это. Были ли они на скрытых, наверное наверняка. Зная на опыте эту свою неуёмность в рисках, Айка сдерживала себя за счёт потрёпанных экстремов. Например, вместо гоночных болидов гоняла на раздолбанных «жигулях», но не по трекам, а по пересечённой местности. Так ведь безопаснее, правда? И наоборот, если садилась на велосипед, то трековый. Прыжки с парашютом не считаются, ибо на крыле чего бы и не летать, не то, что

на дельтаплане. Хотела было сесть за штурвал самолёта. Ведь вертолёты опаснее.

Азия училась мечтать. Чиканутой умнице до диплома это было лишним. А после открылись чакры, и окружающее стало тесным. Только без сантиментов про суженого, деток, домик у моря и всякое такое, фу! Разве не интересно пометать о будущем, о ещё не открытом, инновационном, уникальном и удивительном. Там, за горизонтами. Она возненавидела антиутопии. Это модное засилье кошмаров отвадило её от кино и книг ещё в универе. Там было много антимечтателей, вещавших катаклизмы, катарсис (покаятельный всечеловеческий экстаз) и апокалипсис, но у неё даже искусственный интеллект и роботы не вызывали опасений. Из любимых, и чуть ли не последних из читанных ею взапой уже после выпуска, стали «Люди как Боги» Уэллса и Снегова. В них была красота утопий. Там было место месту, которого нет. Уместное времени и взглядам своих времен. Ей тоже хотелось написать свою картину лучшего из миров. Без розовых слюней, без наивных пастелей. Однако, мечтам мешала обещанная сингулярность. Представить, что лет через 30-ть всему привычному придёт каюк, а необычное зафонтирует повсеместно, и с жуткой частотой, было сложно. Хотя утешало то, что к тем временам она станет уже старухой, и всё происходящее будет безразличным. Хотя..., обещают же, что жить придётся до 120-ти, а это даже не половина до сингулярности. И как тогда жить? Старухой ещё лет 70-

т? Она пыталась записаться переселенкой на Марс, но друзья, покрутив у висков, денег на такую авантюру не наскребли, и отказали. При этом пояснив, что в одну сторону не отпустят, а вместе с ней не полетят, и пусть Маск летит туда сам. Она, впрочем, суицидальным синдромом не страдала, и сдалась с радостью, переключившись на способы преодоления старения. Мечтание Ая пыталась превратить в проектные упражнения, изобретая методы, и быстро свела их лоскутки к утопизму. Русские космисты ей в этом сильно помогли.

Айка искала себя. Примеривала многие профессии и никак не находила в них способ заниматься чем хочется. Потому помогала везде, где интересно, просто так. За что ей иногда платили, не по просьбе, а по совести, ибо идеи плескали из неё через край. Её звали в стартапы, ведь Сколково стал ей как дом родной, и в его сообществах она слыла признанной активисткой. Но посвящать себя проектам была не готова. Не умела концентрироваться. Увлекалась часто, остывала быстро. Да и толку в стартапах не видела, ибо не верила, что в российской действительности можно взлететь, а иной себе не представляла.

Не любила дни рождения, ибо они приближали старость. Но настояниям родителей отпраздновать 20-тилетие на даче уступила. Только в узком кругу, плюс верные и только. Дачка, строенная папкой, была мала и для троих, потому друзей поселили в баньку, а заодно и помыться. Дата была и прав-

да занятная. Азия родилась 20.02 2002 года, и это число 20022002 её завораживало, а маму-то как впечатляло! И вот настало 20022022. Как тут не согласишься отметить?

Заехали в ночь. В 02 часа 02 минуты отметили маминым тостом начало празднования, проспались, и завтрак растянули на целый день в умничаниях о будущем. Папка разошёлся, друзья поддакивали, мамуля умилялась, а Айка изоспорилась со всеми, отстаивая оптимизм. Она то и дело хваталась за ноут и искала, искала признаки лучшего в наступавшем страшном. В очередном запале увидела странное сообщение в почте от себя себе, и запомнив прочитать потом, продолжила споры упоённо, румянясь щеками, распаренная умствованием. Задорно. Уморились раньше всех друзья, и пошли в баню. Мамуля устелила у камина себе, а папка неугомонно полез в подвал чудачить свои идеи в воплощениях. Ая же, наполнив ванну, улеглась читать свой «пейджер», и предпочла почте новости о будущем.

Новостей было много.

Письмо себе

«Здравствуй Я! Та, которая до. Возможно ты никогда не прочтёшь этот дневник, адресованный только тебе, или мне тогда. Недавно наши умники возомнили, что можно отправлять послания в прошлое. И я задумалась над прожитым, и прежде всего над упущенным в прошлом, тогда. Для тебя же это возможно станет повестью о будущем, столь желанном тобой, но не прожитом прямо, а прерванном настолько, что мечты твои туда не долетели. Мне сейчас кажется, что если ты и прочитаешь то, что писала я несколько лет, то прожитое мной с тобой уже не случится, и сам факт прочтения тобою может стать тем самым взмахом крыла бабочки, который изменит всё, и меня тогда не станет. Но этот парадокс, описанный и очевидно доказанный, казалось бы исключая написанное мною и отправленное тебе, имеет все шансы случиться, и даже если меня не станет, ты всё же прочтёшь моё послание.

Итак, надеюсь, что я достаточно заинтриговала тебя, чтобы, зная твою непоседливость, понудить всё-таки успеть прочитать всё до конца за то краткое время, которое у тебя есть. Ведь ты умеешь читать быстро.

Мне до сих пор страшно тебе и себе произнести неизбежное, поэтому я, покопавшись в музее Земли, нашла письмо наших верных. И ты, прочитав его, поймёшь, и надеюсь при-

мешь вероятное лучше, чем от меня. Ведь за ним перед тобой встанет выбор, решение в котором станет непростым, а за неимением времени ужасным. Ибо признать и принять решение на твоём месте я тогда вряд ли смогла бы, зная то, что тебе предстоит прочесть. Но ты можешь остановиться раньше, и решение своё принять не читая вперёд. Только на основании следующего письма тебе. За которым будет моя исповедь, и она длинна, возможно настолько, что дочитывать её тебе уже покажется некогда.

И я не могу настаивать. Только предупреждаю, что всё это не шутка твоих гениев дружбы. И ты знаешь, что такое не могли написать наши родители. Это не розыгрыш, и не подарок тебе на юбилей (хотя как знать, может и подарок, только от меня тебе, или точнее, от тебя тебе!). Мне сложно писать так же последовательно и логично как принято у вас. Мы уже мыслим иначе. Пришлось многое вспоминать, искать как это было, и почему было так. Память, несмотря на воссоздание, не оставила мне чётких ощущений твоего состояния и времени, в котором ты.

Я очень люблю тебя себя ту, то есть эту. У неё, т.е. тебя (извини, что путаюсь) ещё есть и другое будущее, и лучшее ли оно, судить тебе. Перед выбором, надеюсь.

Впрочем, напрасно я медлю. Ведь время твоё убегает. Но и не медлить не могу, извини, страшно.

Читай же, и решай.

Сестрёнке

Мы верим! Иначе зачем всё.

Если бы мужчины рыдали, было бы больше морей. Но нам нельзя. Но если бы ты ожила, вот сейчас, прямо сейчас, когда это кажется ещё возможным, хотя и невероятным, поверь, мы бы взревели хором, на радостный взрыд. И заставили бы тебя рыдать вместе с нами. Чтобы принять то, что произошло, как ужасный факт счастья выжившей.

Мы не спали уже, когда случился взрыв. На природе спится быстро. И сидя за послеполуночным кофе, как часто с тобой :), мы были осыпаны бьющимся стеклом раньше, чем услышали взрыв. Потребовалось немного времени, чтобы оглушённые, мы приползли из покосившейся бани к тому, что было вашим домом. Пожар только разгорался, но понять, как и где вас искать, было невозможно. Папа твой строил дом тогда, когда ничего не было, и он рухнул разнообразно, хаотически, где-то большими частями, а в остальном рассыпавшись почти в пыль. Кирпич первого этажа стал похож на песок, и несколько плит перекрытия упали почти без повреждений. Второй же этаж над ними стал ворохом из досок и кровли, который загорелся быстро и быстро сгорел. Ты же помнишь, как было холодно, но к дому в той стороне, где оказалась ты, подступиться быстро стало невозможно.

К приезду пожарных всё уже выгорело, а мы, чёрные как черти от копоти, растаскивали уголья и каменья на месте гостиной, где, как полагали, ты спала, как любила, у каминна. Туда тоже рухнула плита, и под ней россыпью разложился камин, но благодаря ему оставался зазор, в который мы и пытались проникнуть. Оказалось, что там твоя мама. И она была мертва. Мы потеряли много времени. И когда пожарные, или соседи, добыли кран, день уже задохнулся, и ванна, открывшаяся из под медленно поднимаемой плиты, казалась расплющенной, ибо пробила пол в подвал благодаря ужасному бетону, который папа твой заливал сам из краденого цемента. Поэтому к ванной подошли не сразу, да и заглянув в неё мы не поверили, что ты жива! Ведь вместо воды ванна была заполнена пеплом, и только рельеф твоей головы дал о тебе знать. Как хорошо, что твой отец хотя бы ванную достал чугунную, и она выдержала детонацию и удар плиты.

Мы доставали тебя сами, укрывали и обматывали своими куртками, и пепел забивал глаза и мешал дышать. В морге, уложив тебя на стол, и обмывая, сквозь слёзы (это от пепла, не верь) мы любовались твоей красотой в последний раз. Ведь такой, обнажённой, никто из нас тебя не видел, а пепел к тому же создал на теле твоём неотмываемый узор, ещё более подчёркивающий твои формы. Нам казалось раньше, что как настоящие друзья, возделеть тебя не хотим, но тут признались друг другу, что каждый осознал

в этот момент, что хотел бы тебя без остатка, навсегда, на всю оставшуюся жизнь, и лишь из уважения друг к другу мы не позволяли себе мечтать.

И вот, когда уже пора было отдать тебя анатому, из чуть приоткрытого рта твоего вдруг вылетело облачко пепла. И чуть погодя ещё раз!

В реанимации нам говорили, что это невозможно, и выжить никому ещё при таких обстоятельствах не удавалось. Твоё дыхание удалось как-то восстановить, но все попытки вентиляции лёгких не оставили надежд на восстановление полноценного дыхания, и твой организм очевидно угасал. Врачи готовы были констатировать твою смерть, а так как никого ближе, чем мы, у тебя не осталось (папа был в эпицентре взрыва газового баллона, и похоронили немного), нам предложили принять решение о прекращении вентиляции лёгких и стимулирования сердечной деятельности, т.к. по мнению консилиума, мозг твой умер.

Доктор, дежуривший с нами, высказал гипотезу, что в момент взрыва ты спала, и мозг во время глубокой фазы сна просто отключил тебя мгновенно в кому. Т.е. ты почти не дышала, когда всё горело вокруг. А горело очень быстро, и кислород прорвался раньше, чем твои лёгкие окончательно забило пеплом.

Но мы не верим. И благо вспомнили о твоей воле. И благо, быстро дозвонились до Данилы. А он оказался скор, и уже через час мы передали тебя крионистам.

Мы не можем поверить в твою смерть, и верим теперь (извини, что не верили тогда, когда ты, как казалось шутки ради, подписывала договор о замораживании в случае окончательной угрозы смерти), что ты вернешься к жизни в лучшем, так желанном тобой мире!

Мы этого очень хотим, и страшно жалеем, что не будем с тобой в это время. Или будем? Кто знает теперь, после подписания договоров и нами? Но пока нам предстоит жить без тебя, и как сможем, за тебя. Нам много надо сделать, чтобы оправдать нашу дружбу с тобой. Чтобы ты, проснувшись однажды, узнала и гордилась сделанным нами за троих. Мы обещаем.

22.02.2022

Верные твои верящие.

Завещание

Я, Ведун (Олег Правдин), 1999 г.р., в здравом уме выражаю свою, и товарища моего Тенгри (Кайчи Кара-Могол, 2000 – 2088 гг.) в здравом уме завещавшего мне это, нашу последнюю волю:

– Передать наши и Азии Богатырёвой криотела в полное распоряжение События по регенерации жизни.

– В случае готовности События к разморозке наших криотел, сделать это в обратной порядку заморозки последовательности.

20.02.2101 г.

P.S. Айда, извини, что выглядим не так, как ты привыкла;)

Признание

Я и Я. Та жизнь, которой я успела пожить на Земле, была прекрасна, но видится мне как-то со стороны, словно я жила рядом с той девочкой и девушкой.

Прости, но не отпускает, сколько живу после, чувство, что я и ты, или я и я до, – разные люди. Словно я, невидимая, присутствовала не только всегда и непосредственно рядом с твоей жизнью, но и видела всё не твоими глазами. Так в твоём веке описывали отделившиеся души. Которые видели своё тело, наблюдали за умиранием извне. Ты была превосходна в той степени, в которой человек способен восхищаться собой, не нарциссически, упаси тебя Бог (какое странное для моего времени выражение), а за достигнутое, преодоленное, превзойденное. Ты не давала слабину ни себе ни другим. Во что бы это твоё упорство вылилось (с трудом вспомнила этот оборот речи), судить сложно, но зная об обошедшем тебя стороной будущем, кажется мне, что ты смогла бы сделать немало. Женщины тогда набирали силу. Так что ты молодница!

Сожалею же я о том, что не познала ты там любви. Той, земной, легендарной для нас. Наверное у нас она другая, и мне очень хотелось бы сравнить.

Спасибо твоим друзьям! Они не дают мне покоя. Ты ведь даже представить себе не могла, хотя казалось, знала их как

себя, что они будут столь благородны, и посвятят себя тебе. И мне, конечно, хотя и не узнают об этом.

Я живу этой двойственностью, вопросами, которые некому задать, кроме как тебе же. Я стараюсь всегда быть достойной тебя, но здесь у меня было не так много возможностей, хотя тебе возможно показалось бы, что я лгу, и не сознаю счастья, доставшегося через ничтожный шанс, которое досталось не тебе. Ведь мечты, которые ты так упорядочивала, и логизировала (или это неправильное слово?) я восприняла если и не как должное, то как разочаровавшее своей величественной простотой. Обыденностью, что ли. И мне эта Вселенная кажется теперь банальностью, за рамками которой кое-что уже понятно, и это окошко из мироздания пугает возможной ложностью миссии, невольной участницей которой я оказалась.

Поэтому я так безмерно люблю тебя ту. Мечтавшую, любознательную, наивную умницу, жившую будущим, презиравшую настоящее, уважавшую оболганное прошлое. И нет слов, таланта, чтобы эту любовь мою описать, сжиться с ней, растворить её в себе, признать своё право на неё и на тебя.

И наконец, я завидую тебе безмерно! У тебя будущего было больше, чем мне досталось. Твоя жизнь была в праматери всего, а я уже туда не попала. То, что казалось тебе смертной скукой, представляется мне теперь раем! Хотя ты бы со мной не согласилась, ибо из вашего времени нынешний обитаемый мир показался бы чудом :) (кажется этот символ был

у вас популярен).

Хочется и хочется тебе признаваться в чувствах, пережитых к тебе за многие годы. Их было много, разных, и в оттенках каждого. Я и злилась, и недоумевала. Не взятому тобой там, для меня. Поэтому я так многого не знаю, и не смогла найти несмотря на огромный объём доступных знаний. Я грустила о детстве, которого ты недобрала, так увлекаясь познанием. Ты лепила себя, обделяя в чувствах. Ты недолюбила родителей, как ни старались они питать тебя своей любовью. Ты не додала благодарности и уважения друзьям (чёрт бы с другими), и два этих человека переживали твою чёрствость до конца жизни, полагая, что просто не успели принять то, что ты подразумевала (обманываться были рады). А ведь знаю же я, что ни о чем таком, ответственном, ты и не помышляла. Просто жила, как умела, не видела ничего очевидного рядом. Дура дурой! Не правда ли?

А теперь Айда, айда же! Туда, куда не посмела и не поспела домечтать!

Решиться

Когда стало ясно, что отправить тебе посылку возможно, встал вопрос, о том, как?

Оказалось, что все кодировки сообщений, применявшиеся в твоё время уже не используются ни в каких наших протоколах обмена данными. Сообщение же энергетическим «червём» должно раскрыться в твоём компьютере подобно вирусам, которые в ваше время портили жизнь пользователям.

Но ты-то знаешь, что у меня прекрасная память, и я к тому же единственная, кто знает здесь, как это было – обмениваться почтовыми посылками, частить в чатах, писать электронные письма. И я вспомнила. Когда впервые меня привели в Музей Земли, я плакала так, что всё вокруг расплывалось сквозь пелену слёз. И вместо любопытства я испытала там первый катарсис. Страшно пожалела, что не прожила желаемое. Мучилась потом месяцы, и лишь через 12 лет вернулась в музей осознанно, ностальгически прикоснуться к знакомому, грустить радостно, чувствовать сопричастность вашей истории.

Так вот, в первый раз сквозь слёзы я видела ноутбук. А во второй раз нет. И теперь, спустя десятки лет после второго визита во мне вспылал ужас последней потери. Я впала в панику, что ноут пропал, и последний шанс быть с то-

бой исчез вместе с ним. Но оказалось иначе. Музей уже никого всерьёз не интересовал. Экспонаты хранятся только потому, что считаются неприкасаемой ценностью. И вот, в этой почти свалке, я кое-как нашла его! Он стал подставкой под электрочайником, и не был виден никому, потому что был накрыт флагом Австралии, как скатертью. Когда я дрожащими руками вытащила его на свет, он выглядел как новый. Но при нём не оказалось провода. Хотя, втыкать его всё равно было бы некуда, и нам пришлось поизобретать способы подобрать ему источник энергии. Страх к моменту включения только рос, сковывая меня настолько, что даже быть рядом не было сил. И включали его без меня. Но когда экран загорелся, за мной прибежали вместо того, чтобы просто дать мне знать. Как же тряслись руки, когда я пыталась попать пальцами в клавиши!

Он работал спустя сотни лет!!! Он работает до сих пор, и хотя мы сканировали его полную копию и произвели дубликат со всеми данными, я пишу на нём! Мышечная память, оказывается, не подвела, и уже спустя час я колотила по клавише так же уверенно, как ты. Он принадлежал некому Cres (думается, что это ник), и хранил множество фотографий периода 2025 – 2037 годов. И видимо был семейной ценностью для переселенца, опознать которого нам не удалось. Клавиатура английская, но в недрах, о чудо, нашёлся архив виртуальных клавиатур, в т.ч. и на русском. И я на ней стучу по экрану. Как ни странно, в компе больше ничего не было.

Ни одного письма, ни одного чата. Ничего, и даже видеофайлов. Хозяин использовал его просто как фотоальбом. Но какой! Тщательно собранный по датам, каждое фото подписано местом. И по этим местам я вспоминала географию Земли, ибо этот человек и его подруга, молодые совсем, не гламурные красавцы, но очень весёлые и милые во взаимных чувствах, объехали чуть ли не весь свет. Словно прощались с Землёй, что видимо правда.

Я всё искала, почему в 2037 году всё закончилось, но в компьютере ответа нет. Пока я изучала раритет, эйфория не прекращалась ни на мгновение. Но как только всё возможное было вскрыто и содержание исчерпано, снова стало страшно. Мы ведь уже давно не пишем. Хотя, следует оговориться, что после моей находки появились желающие восстановить это умение, и я стала учить древнему стилю не только оформления мыслей, но и самого мышления. Мне-то было просто вспомнить, и я, оказывается, вполне способна ещё мыслить текстами, но нынешним это как египетские иероглифы для вас, сложно и нудно, неточно и скучно. Я вспомнила, как раздражалась ты, когда что-то нужно было писать ручкой или стилусом. Особенно на бумаге!

Сколько я написала писем тебе! Если бы на бумаге, то не одно дерево. И дело не в том, что мне не нравились варианты, хотя и не без того. Я никак не решалась остановиться. Мне никак не даётся признать. Я не могу себя простить. За родителей. За тот окаянный вечер. За то, что усну-

ла. За всё, что могло бы быть, и не случилось. Меня утешают здесь, что мне довелось большее, невысказанное для вас. А я не перестаю грустить, и возможно это синдром пережившего долгую кому. Я пропустила пару сотен лет. И всё, чем меня утешают, не покрывает эту потерю. Мне многое известно об этом прошлом, но оно не моё. И память о нём не моя память.

И надо было когда-то остановиться, «порвать» черновики. Но долго, больше двух лет, не представлялось случая. Так и дотянула. До юбилея. Мы их тут тоже отмечаем. Мне стукнуло 100 лет. С даты рождения в моём представлении. И чёрт чёрт чёрт – аж 300 лет с учётом пропуска. Пришлось себе сознаться, что я, да, уже старуха. И дальше только ждать. И писать мемуар :(.

Я помню, как ты троллила авторов и любителей мемуарного жанра. И вот, докатилась до него сама, наверняка единственная среди современников, ой. А как правильно назвать тех, с кем я здесь, и тех, кто остался с тобой там? Кто я им, или они мне? Ну ты, короче, поняла. И вот, когда вся эта чепуха свалилась на мою голову, сомнения мои и муки исчезли, и разверзся предо мной масштаб нужного сказать тебе!

Сказать, рассказать, написать. Как много у вас определений. Описать, всё, чтобы ты потом не пожалела о неслучившемся.

Прозрение

Очнулась я в прелестном настроении. Открывать глаза не хотелось, ибо нега, которую я испытывала, была совсем детской, помнишь же? Когда открывать глаза означает разрушить незапомненный, но прекрасный сон. И тянешь, тянешь, нежишься. Можно часами так.

Свет, розовый сквозь веки, нисколько не раздражал. Пыталась вспомнить сон, не получилось. Пережила наш с папкой спор, и придумала с десяток аргументов, чтобы продолжить. Несколько смущала тонкость покрывала, мама Наверное что-то этакое купила, сюрприз. Было приятно думать, как накрывала, мягкими руками по привычке глядя меня, якобы разглаживая одеяло. Неожиданно хорош был день рождения. Шевелиться не было сил. Лежала себе на спине, ждала, что позовут на завтрак. Силилась вспомнить, как легла в кровать, не получилось. Потянулась, вытянув ступни, насколько могла, не хватило. Вытянула руки за спину, другое совсем дело. Но. Тревога была ещё неосмысленной. Что-то не так. Медленно опустила ладони на голову, и в ужасе распахнула глаза. Я – лысая! Это – не сон! Потолок надо мной не из нашей дачи. Матовый полупрозрачный свод мягкого молочно-голубого света.

Попыталась резко сесть, и ложе подо мной вдруг поменяло форму, превратившись в кресло, удобно подставившее

под спину спинку. В голове отчётливо прозвучало «здравствуй». Это был не голос, это была мысль. Если ты понимаешь, как их различать. Но мысль не моя! Ошалела я окончательно. Осматривать было нечего. Четыре стены того же света, странное кресло-кровать подо мной, шевелясь в котором я чувствовала как множество микро частичек проминается подо мной, принимая форму тела. Ткань, накрывавшая меня, голую, была прозрачной, почти не имеющей толщины. Не путай с пластиковыми плёнками. Эта дышала, при касании казалась ворсистой, но при этом не имела веса. Лишь форму, угадываемую на изгибах. Пол серый, без швов. Страх боролся с любопытством. Ощупала голову. Голая совсем! Ощупала себя. Цела и невредима!

«Успокойся. Всё позади. Не торопись понять» – мысли, отчужденные от меня, снова зазвучали в голове. Куда там, успокоиться. Голая, в неизвестном месте. В комнате без окон и дверей. И ещё чужие мысли в мозгу! Попыталась представить, что ещё сплю, ущипнула себя за мочку уха. Больно! Сердце стало набирать обороты.

– Ты кто? Кто здесь?!

«Я твой нейф. Мы с тобой теперь навсегда. Привыкай.»

– Какой ещё нейф?

«Нейро френд.»

– Не поняла.

«Я имплантирован в твой мозг для усиления твоих возможностей. Это стандартная процедура.»

– Какая процедура, зачем!

«Ты моя хозяйка. Я твой друг. Буду помогать тебе жить.»

– Где я?

«Это тебе расскажут лады.»

– Когда?

«Когда посчитают нужным.»

– Где мои родители, друзья?

«В прошлом.»

– Как, в каком?! – я окончательно растерялась. В голове не укладывалась взаимосвязь места, положения и состояния. Сердце уже сжалось, но разум противился мысли о невероятном. И ещё этот недоголос в башке!

– Эй ты, – заистерила я, – либо нафиг, либо колись!

«Это не мои полномочия».

– Где люди? АУУУ!!! – я заорала, спазмы стали сдавливать горло, слёзы полились из глаз.

Я вскочила, стала колотить о ближайшую стенку. Но она оказалась мягкой, и сглатывала мои удары почти беззвучно. Удар, удар, удар по ускользящей поверхности. Запоздалая мысль «голая же», и вдруг передо мной огромный человек. Я отпрянула в неуклюжей попытке прикрыться рукой, одновременно другой шаря сзади в поиске иллюзорного покрывала. Представший был настолько неожиданным, что ужас пронзил иглами всё тело моё. Ты такое в детстве только раз испытала, помнишь, когда с папкой в лесу наткнулись на гадюку, и та зашипела почти у твоих ног.

Это был очень молодой мужчина, точнее мальчик ещё, но рост его был больше двух метров! Что при моих эталонных метре семьдесят пять вроде бы и не так много. Эх если бы только рост. Но мальчик (мальчик!), был лыс, и цвет кожи имел неожиданный. Медно-красный. Помнишь у бабушки медный таз, в котором она варенье варила. Во! Таким не загорают. словно металлическая статуя ожила.

Кресло моё от толчка задом уехало к противоположной стене, и я бесстыдно размахнув руки, рухнула на спину, всеми прелестями нараспашку. Я зажмурилась от стыда, залилась краской, но не успела прикрыться, как огромная ладонь загребла мой затылок, а вторая охватила ноги под задом, и тело моё неспешно легло на кресло, которое, сволочь, распласталось подо мной в кровать. Ладони убралась восвояси, я прикрылась как смогла.

– Приветствую Вас, Азия, на Планиде! – гулко и ломко, несформированным ещё басом, с явным волнением прозвучал голос. В этот раз не в голове.

Я приоткрыла глаз, ближний к гостю, и увидела, что тот стоял по стойке смирно, видимо считая момент торжественным, или тоже стесняясь ситуации.

– Воооон! – визг мой стал неожиданностью и для меня.

Парня сдуло. Стенка вернулась на место.

Меня трясло, сердце шаталось как колокол, кровь как звон пульсировала в ушах. Села, накрылась покрывалом, съёжилась.

«Успокойся, Альд не хотел тебя обидеть.»

Несколько минут, пока меня трясло, ничего не происходило. Я куталась в бесполезное покрывало, текла слезами. Мысль, что я больше не увижу родителей, накрывала стыд, как тьма закат. Стало холодно, застучали зубы. Сознание стало проясняться. Произошедшее выходило за рамки моего понимания, и любопытство твоё постепенно разъело тьму. Глаза мои открылись, и расплывчатые из-за слёз образы, как за дождевым окном, оказались явью, а не глюками моего воспалённого воображения. Больше не было стен! Океан простирался передо мной, а вдоль скалистой кромки берега справа и слева от меня светились прозрачные купола разных размеров, то слипшиеся друг с другом, то одиноко выступавшие из рельефа. Чёрные скалы, мягкие купола. Почему мягкие, спросишь ты? Не потому, что палаточные, а по той, ставшей понятной мне сразу причине, что они, как и стенки моей комнаты (камеры, вдруг подумалось мне), были сделаны из мягкого, но твёрдого (именно так!), материала, который, пропуская свет, выглядел мягко, сохраняя при этом заданные формы. Было ещё светло, или уже светло, ибо за горизонтом поджидало, но не показывалось солнце. Но! Горизонт был сильно изогнут! Ты помнишь фотографии с Луны. Так вот, этот горизонт оказался ещё выпуклее! Я протёрла глаза, пытаюсь стереть искажение слезами. Картинка прояснилась, стала чёткой. Океан стал гладким как стекло! Подумалось даже, что это лёд. В глади вод отражались звёзды,

которых на небосводе оказалось слишком, слишком много! Ты такого даже представить не можешь, и никакие фантастические картинки не передадут тебе эту красоту. Так много, что разглядеть в этой россыпи знакомые созвездия не получилось, сколько я не пыталась. Зрелище заворожило меня настолько, что когда в голове образовался вопрос «Нравится?», я даже не приняла его на счёт нейфа. Но дёрнулась, и поняла, что наступила ночь, и небо целиком поглотило океан. Купола светились ярче, но не засвечивали свод, и даже на их кромках звёзды были отчётливо яркими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.